

Радикальный ислам в Центральной Азии и интересы России

Анастасия Митрофанова

23 сентября 2008 г. в Дипломатической академии МИД России состоялось заседание “круглого стола” на тему: “Россия – Центральная Азия и радикальный ислам”.

В работе “круглого стола” приняли участие более 50 чел., в том числе представители МИД России, Института востоковедения РАН, Центра цивилизационных и региональных исследований РАН, Совета муфтиев России, Свято-Филаретовского института, Московского гуманитарного университета, МГИМО(У), Центра Карнеги и других ведущих научных центров, а также представители посольств стран Центральной Азии.

Заседание открыл директор Института актуальных международных проблем (ИАМП) Дипакадемии МИД России **А.К.Пушков**. В своем выступлении он подчеркнул важность выбранной темы в условиях перехода от однополярного мира американской гегемонии к многополярному мировому порядку.

С пленарными докладами выступили: Николаев С.А. – заместитель директора Третьего департамента СНГ МИД России, Малашенко А.В. – член научного совета Центра Карнеги, Подцероб А.Б. – начальник отдела Института востоковедения РАН, Рудов Г.А. – руководитель центра мировой экономики и глобальных проблем ИАМП.

С.А.Николаев подчеркнул, что Россия заинтересована, прежде всего, в том, чтобы регион Центральной Азии (ЦА) был стабильным и безопасным, чтобы укреплять с входящими в него государствами отношения стратегического партнерства и союзничества, вме-

сте с ними работать над решением региональных проблем, включая борьбу с терроризмом, экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков.

В рамках двустороннего гуманитарного сотрудничества Россия уделяет повышенное внимание вопросам защи-

---

МИТРОФАНОВА Анастасия Владимировна – доктор политических наук, старший научный сотрудник Дипломатической академии МИД России.

Ключевые слова: Центральная Азия, радикальный исламизм, безопасность, терроризм.

ты прав и интересов соотечественников, сохранения позиций русского языка, расширения российского образовательного, культурного и информационного пространства в государствах региона. Есть понимание необходимости использования в этой сфере ресурса гражданского общества, в том числе возможностей Фонда “Русский мир”.

В докладе было также отмечено, что центральноазиатский регион все больше притягивает внимание влиятельных мировых игроков: Китая, США, Японии, Евросоюза. В России это воспринимается спокойно, так как интегрирование центральноазиатского пространства в более широкие форматы взаимодействия является объективной реальностью, что, в свою очередь, предполагает усиление там конкуренции в самых различных областях. Россия не претендует на роль монополиста в центральноазиатских делах и открыта к сотрудничеству с другими государствами.

Сегодня обозначилась сфера, где конкуренция с Западом будет особенно жесткой: для США и их союзников приоритетом является укрепление своего влияния в энергетической отрасли, с упором на установление контроля над добычей нефти и газа, их транспортировкой на внешние рынки в обход России.

Но в этой области у нашей страны есть весомые контраргументы – высокий уровень сотрудничества с центральноазиатскими странами в энергетическом секторе, который станет еще выше, если удастся продвинуться в деле строительства Прикаспийского газопровода и модернизации региональной газотранспортной системы.

Несмотря на то, что в целом в Центральной Азии сохраняется стабильная обстановка, вызовы и угрозы региональной безопасности остаются реальностью. Соседство с Афганистаном,

где ситуация имеет тенденцию к дальнейшей деградации, а также трудности собственного внутреннего развития являются первопричиной того, что регион продолжает находиться в фокусе внимания экстремистов, террористов и наркодельцов.

“Хизб ут-Тахрир” и Исламская партия Туркестана (ИПТ) (бывшее Исламское движение Узбекистана) продолжают свою подрывную деятельность практически по всему региону. Прикрываясь лозунгами возвращения Центральной Азии в “лоно чистого ислама”, сторонники “Хизб ут-Тахрир” и ИПТ делают ставку на распространение в регионе радикальных идей, которые особого хождения раньше там не имели. Это оказывает негативное воздействие на внутривнутриполитическую ситуацию в центральноазиатских странах, что чревато опасными последствиями и в общерегиональном масштабе.

В докладе **А.В.Малашенко** акцент был сделан на проблемах распространения радикального исламизма в странах Центральной Азии.

По его мнению, активность исламистов отражает недовольство людей внутренней политикой правящих элит, коррупцией, низким уровнем жизни, отсутствием настоящих реформ. Кроме того, исламская форма выражения протеста является следствием запрета или ограниченными возможностями его выражения в светской форме.

Говоря о религиозных корнях исламского радикализма, автор отметил упадок в годы советской власти традиционного для Центральной Азии ислама ханафитского толка. Набравшая силу радикальная тенденция в религии была реакцией на слабость традиционного ислама, его деградацию, приспособленчество духовенства, отсутствие системы религиозного образования.

В докладе было упомянуто и о влиянии извне. Его значение нельзя абсолютизировать, что настойчиво делают все центральноазиатские правители. Однако его ни в коем случае нельзя и преуменьшать:

– *во-первых*, исламские радикалы региона вписываются в мировую модель исламизма,

– *во-вторых*, между ними и их единоверцами существуют и укрепляются разнообразные связи;

– *в-третьих*, распространенные в Центральной Азии базовые идеологические установки разработаны за пределами региона.

Наконец, Центральная Азия уже давно не может рассматриваться без учета ситуации в Афганистане, который все чаще рассматривают как часть региона.

Большинство исламистских организаций Центральной Азии являются малочисленными группами, даже кружками. Реальную силу представляет Хизб ат-Тахрир аль-Ислямий (ХТИ), а в относительно недавнее время – Исламское движение Узбекистана (Исламское движение Туркестана).

ХТИ состоит из ячеек, в каждой из которых 3–5 чел. Средний возраст членов составляет около 30 лет.

Постепенно расширяется территория деятельности ХТИ.

Так, в Киргизии ХТИ проникает в северные районы республики, где ранее ее присутствие не отмечалось. Одной из главных (уже решаемых) задач ХТИ остается проникновение в госаппарат, в том числе в службы безопасности.

А.В.Малашенко указал, что правящие элиты используют исламских радикалов в качестве предлога для подавления оппозиции. В наибольшей степени это характерно для Узбекистана. Особую роль при формировании такого подхода сыграла гражданская война в Таджикистане, на которую

ссылались все центральноазиатские президенты, когда хотели показать, к чему приводит излишняя демократизация и приход в политику сторонников сил, выступающих под исламскими лозунгами.

После 11 сентября руководители центральноазиатских государств делали все от них зависящее, чтобы представить свои страны в качестве главного оплота борьбы против мирового исламизма и терроризма. Действительно, успех “аль-Каиды” обеспокоил местные режимы, однако и в то время они были уверены в собственной силе, и преувеличивали исламистскую опасность, по большей части исходя из конъюнктурных соображений – добываясь увеличения материальной помощи.

В целом ислам в Центральной Азии остается достаточно политизированным. Однако оценивая его роль, следует быть предельно осторожным и уходить от крайностей. Никакой “зеленой революции”, в том числе в Узбекистане ожидать не приходится. В ближайшее время власть останется в руках тех, кто стоит на светских позициях. Но при всем том, исламизм, как политический и религиозный феномен останется и может усиливаться.

А.Б.Подцероб сосредоточил свое внимание на контактах российских мусульман с зарубежными религиозными неправительственными организациями (РНПО) исламских стран. Содействие, оказываемое зарубежными РНПО российским мусульманам, осуществлялось по нескольким основным направлениям. Одним из них было сотрудничество в сфере подготовки священнослужителей. Результаты получения российскими гражданами религиозного образования за рубежом были неоднозначны.

Ряд зарубежных РНПО выделял средства на сооружение, реставрацию или функционирование мечетей, му-

сультманских культурных центров, религиозных институтов, медресе и т.п., хотя масштабы их финансовой помощи были не столь велики. Сдержанность, проявляемая зарубежными религиозными организациями объяснялась тем, что немалая часть предоставлявшихся ими средств уходила в коммерческие структуры либо попросту разрывалась. Зарубежными РНПО осуществляется также широкая благотворительная деятельность (издание религиозной литературы, организация разного рода форумов, оказание помощи беднякам, беженцам, лицам, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов или стихийных бедствий, поставки в этих целях медикаментов и продовольствия, строительство больниц и т.п.).

При этом некоторые организации стремились действовать в обход российских официальных религиозных структур. В конце 90-х годов ситуация изменилась к лучшему – под давлением египтян, алжирцев и тунисцев саудовцы провели кадровые перестановки в руководстве российских отделений Лиги исламского мира, “Аль-Игасы” и Всемирной лиги исламской молодежи, основными партнерами которых стали с того времени официальные мусульманские учреждения России.

Зарубежными РНПО, подчеркнул далее автор доклада, осуществлялась на территории России, а также других стран СНГ проповедническая деятельность.

Миссионеры некоторых организаций, в том числе Ассоциации уведомления о грядущем страшном суде и исламского призыва (“Ат-Таблиг ва-д-дава”), пропагандировали идеи религиозного возрождения, финансировали кружки, в которые вовлекалась симпатизировавшая исламистам молодежь.

Автор обратил внимание на помощь, которую международные исламские организации оказывали чеченским

сепаратистам. Наиболее заметную роль играли “Аль-Каида” и движение “Талибан”.

Схожая с российской ситуация возникла после распада Советского Союза в Средней Азии и в Закавказье, интерес к которым начали проявлять Турция, Иран, Пакистан, арабские страны.

Особую напористость демонстрировали турки, делавшие в своей пропаганде акцент не только на культурную и языковую близость, но и на общую принадлежность к толерантному, благоприятствующему проведению реформ ханафитскому мазхабу. Иранцы наиболее активно действовали в Азербайджане и Таджикистане. Были задействованы и возможности международных исламских организаций. Вскоре, впрочем, оказалось (как и в России), что надежды на широкомасштабную помощь единоверцев не оправдываются. Да и у руководства зарубежных РНПО наступило разочарование в связи с секуляристской ориентацией местных политических элит.

А.Б.Подцероб предположил, что для борьбы с какой-либо идеологией требуется противопоставление ей другой идеологии. Роль такой “антифундаменталистской” идеологической концепции мог бы сыграть ислам реформаторской либо секуляристской направленности.

Выступление Г.А.Рудова было посвящено анализу такого явления как политический ислам или исламизм. В современных исламских обществах, подчеркнул он, на фоне глобализации происходят два разных, но взаимопроникающих процесса: *первый* – проявление глобальной исламской политической системы, а *второй* – культурная реакция ислама против вестернизации и консюмеризма.

Стремительный процесс возрождения ислама и возвращение к традици-

онным основам, на фоне очевидного давления со стороны западного общества, сопровождал ответную реакцию не только в Центральной Азии, но и во всем исламском мире, выразившуюся:

- в возврате к фундаментальным основам религии, “чистому исламу” и поиску ответа на вызовы сегодняшнего времени в уже достигнутых ранее знаниях;

- в реформе мусульманского общества и поиске новых ответов на вызовы современности.

Одним из результатов возрождения ислама явилась его политизация. Проблема религиозного экстремизма в транзитных обществах Центральной Азии, говорилось в докладе, распадается на несколько составляющих:

- объективные, закономерные в переходных условиях процессы религиозного возрождения;

- использование различными силами как внутренними, так и внешними религиозного фактора для продвижения своих интересов.

Проблема заключена в том, чтобы умело использовать положительный потенциал первого, закономерного компонента и снизить последствия второй составляющей.

Особое внимание в докладе было уделено проблеме терроризма и борьбы с ним в регионе Центральной Азии. Мировой опыт показывает, что главным негативным следствием международного терроризма становится замедление темпов экономического и политического развития в отдельных регионах мира.

Г.А.Рудов отметил, что правительства ряда стран региона склонны использовать “исламскую угрозу” как оправдание непомерно разросшихся сил безопасности, медленного внедрения демократических принципов управления и ограничения свободы слова.

После запланированных докладов состоялась общая дискуссия.

Р.Г.Ланда (Институт востоковедения РАН) подчеркнул, что фундаментализм далеко не везде вылился в насилие и терроризм. Большинство мусульман-фундаменталистов являются “умеренными” исламистами, то есть готовыми отстаивать свои идеи мирными средствами. Вместе с теми, кто вообще чужд фундаментализму, они безусловно доминируют в мире ислама.

Политизации ислама способствуют груз обостряющихся социально-экономических противоречий в мусульманском мире и трудности не всегда удачной и результативной модернизации, демографическое давление и технологическая отсталость, углубляющие пропасть между Западом и Востоком.

Анализируя ситуацию в Центральной Азии, автор доклада делает вывод, что новой политической элите надо было избавиться от своего коммунистического прошлого и соответствующего имиджа. Сближение с исламом было одним из шагов в этом направлении. Однако политические руководители мусульманских республик СНГ, еще вынужденные в 1991–1992 гг. считаться с исламистами, к концу 1992 г. практически везде перешли к их подавлению по примеру Таджикистана. Стабильность достигалась за счет систематического противопоставления радикальному исламу ислама умеренного, фундаментализму – национализма, а национализму (если его использовала оппозиция) – регионализма, “просвещенного авторитаризма” и харизматизма национального лидера.

А.И.Фурсов (Центр русских исследований Московского гуманитарного университета) в своем выступлении высказал мысль, что исламский радикализм не является бунтом традиции против модерна.

Как заметил О.Руа, фундаментализм принципиально отличается от традициона-

лизм, он есть преодоление традиции, путь к истокам, к фундаменту, на котором еще не выстроилась никакая традиция. Будучи по форме чем-то архаичным, исламский фундаментализм отрицает не только традицию, но и модерн – он устремлен в будущее.

Отрицая или преодолевая традицию, исламский фундаментализм (радикальный исламизм) вступает в сложные отношения с глобализацией. По форме он выступает как ее отрицание, как борец с ней. По сути она является его базой – без и вне феномена глобализации нынешний исламский радикализм трудно себе представить.

В выступлении **Г.Г.Кадымова** (Дипломатическая академия) была поставлена проблема новой самоидентификации населения в странах Центральной Азии.

В Центральной Азии складываются и одновременно существуют следующие основные идентификации: культурно-цивилизационная (исламская), национально-этническая (государственная) и кланово-территориальная (местная).

При исчезновении советских ценностных установок люди интуитивно обращаются к традиции. Религия становится спасательным крутом в поисках новой идентичности. Национальные элиты стран Центральной Азии вынуждены идти на признание исламских и клановых местных ценностей и интересов, одновременно пытаются создать легитимную, контролируемую альтернативу привносимой радикалами идеологии и политической практике.

А.И.Вавилов (МИД России) предположил, что основной фактор распространения исламского радикализма – ухудшение или стагнация социально-экономического положения в большинстве стран Центральной Азии. Вторым, не менее важным фактором, видится

ослабление и в недалекой перспективе постепенная утрата населением этих республик наработанных в прошлом связей с общемировой культурой и цивилизацией, главным каналом которых был русский язык. Третьим фактором является авторитарный характер режимов в центральноазиатских республиках.

Мусульманский мир остался на положении мировой деревни, снабжающей капиталистический город сырьем и дешевой (часто нелегальной) рабочей силой. В этой обстановке в мусульманском мире усиливаются настроения безысходности и социального отчаяния, растет внутренняя нестабильность. Практическое отсутствие демократической свободы самовыражения, подавление любого проявления секулярной активности, отходящей от официальной линии, развязывают руки исламистам.

Выступление **Р.С. Бобохонова** (Центр цивилизационных и региональных исследований РАН) было посвящено радикальному исламу в Таджикистане. В частности, он отметил роль так называемых “мужских клубов” в распространении идей исламизма.

В годы гражданской войны в Таджикистане (1992–1997 гг.) многие мужские клубы становились центрами распространения идей “ваххабизма”, призывающих к свержению существующей государственной власти и построению исламского государства. В последние годы во многих мужских клубах религиозная идеология фундаменталистов более не пропагандируется.

А.В.Садур (Свято-Филаретовский институт) предположил в своем выступлении, что радикальный ислам возник как реакция исламского общества на те направления, которые далеко ушли от того идеала, эталоном ко-

того большинство мусульман считает общину Мухаммада. Это, в первую очередь, связано с суфиями и культурами, сложившимися внутри суфийских тарикатов. В некоторых направлениях суфизма сложились практики, которые вступали в прямой конфликт с мусульманской ортодоксией. Все эти явления, а также растущее влияние Запада и секуляризация исламского мира породили мощную волну реакции, которую называют *салафия*.

В качестве решения проблемы исламизма, выступавший счел конструктивным поддержать такие формы традиционного для того или иного региона направления ислама, которые сумели успешно противостоять натиску исламского радикализма.

Выступление **А.К.Нанасовой** (МГИМО) было сосредоточено на деятельности партии “Хизб ут-Тахрир”.

Большинство членов “Хизб ут-Тахрир” – этнические узбеки, хотя в организацию входят также киргизы и таджики. Свержение президента Каримова является ее основной целью. Однако в последнее время организация стала гораздо активнее действовать в Киргизии.

Большинство членов “Хизб ут-Тахрир” приходит из рядов безработной молодежи. Однако наблюдается устойчивая тенденция количественного и качественного улучшения состава членов “Хизб ут-Тахрир”. В настоящее время упор делается на привлечение в ряды партии образованных молодых людей. Членами партии активно проводится вербовочная работа среди госслужащих, сотрудников правоохранительных органов.

В.В. Черный (Совет Федерации Федерального Собрания РФ) отметил, что глобализация разрушает вековые культурно-бытовые особенности в

странах ислама и формирует новый тип современного неокOLONиализма, поляризуя общества этих стран по доходам и образу жизни. Это вызывает серьезную критику традиционно консервативных обществ исламских стран, формирует протестные организации.

Экстремизм в регионе ЦА, вопреки военным и политическим поражениям, постоянно возрождается, поскольку населению угрожают безработица и голодная смерть. Для преодоления рисков необходимо поднятие социальной справедливости на новый, более высокий уровень.

А.В.Митрофанова (Дипломатическая академия) сосредоточила свое выступление на проблеме проведения грани между исламом как религией и исламизмом как религиозной идеологией.

В исламе религия и политика почти неразделимы.

Шариат является одновременно религиозным и гражданским законом; умма (сообщество мусульман) понимается как религиозная и политическая общность. Казалось бы, абсурдна сама мысль, что в исламе могут быть направления политического квиетизма. Однако различие между сторонниками “просто ислама” (квиетистами) и политизированными исламистами вполне очевидно для последних.

Одной из наиболее революционных трансформаций ислама, произведенных Хомейни, было наполнение традиционных догм современным политическим содержанием, что иногда приводило к кардинальной трансформации этих догм.

Так, Хомейни полностью переосмыслил концепцию шехадата, которая в традиционном шиизме применялась исключительно к святым прежних дней. Хомейни одним из первых начал называть “шахидами” людей с улицы,

участников политических боев, погибших за свои убеждения.

Выступление **В.Н.Матяша** (Дипломатическая академия) было посвящено влиянию США в регионе.

Российские аналитики не исключают варианта создания вокруг России “пояса безопасности” из стран прозападной ориентации. Китай так же стал больше опасаться американской политики по ограничению китайского влияния не только в мире, но и в регионе Центральной Азии. Военные действия Соединенных Штатов в Афганистане и Ираке вызывают негативную реакцию мусульманских кругов в центрально-азиатских странах.

Позиция России основывается на двух положениях, заложенных в российской внешнеполитической стратегии:

Первый из них заключался в представлении о том, что бывшие советские республики являются естественной исключительной зоной российского влияния, поскольку России по праву принадлежит место регионального лидера в пространстве, связанном с ней общи-

ми историческими и культурными корнями.

Второе – цели российской политики безопасности, главной из которых стала борьба с терроризмом, особенно в регионе Центральной Азии.

О.Г.Пересыпкин (Дипломатическая академия) продолжил предложенную тему, подчеркнув, что несколько лет назад США и их союзники начали активную кампанию по внедрению в общественное сознание представления о том, что исламский мир представляет угрозу для других цивилизаций.

Подобные представления и манипуляции придуманы неоконсерваторами США, которые в лице исламского мира после распада СССР и социалистической системы пытаются найти нового врага. Анализ действий США на Ближнем Востоке показывает, что именно американцы сознательно, а в ряде случаев невольно поощряют экстремистские элементы в исламе. Именно США вдали от своих границ создали новые очаги напряженности, прикрываясь борьбой с международным исламским терроризмом.

Итоги обсуждения подвел **Г.А. Рудов**. Он предположил, что распространение радикального исламизма в регионе ЦА связано со следующими факторами:

- проблемами социально-экономического развития, вытекающими из неудачных проектов модернизации;
- упадком в годы Советской власти традиционного ислама, что создало вакуум, немедленно заполненный радикальными концепциями;
- преобладанием в регионе авторитарных режимов, которые делают невозможным функционирование светской оппозиции;
- влиянием внерегиональных акторов, включая как государства, так и международные исламские движения.

Участники согласились в том, что, хотя радикальный исламизм представляет собой серьезную угрозу безопасности региона, ее не следует переоценивать, так как тотальная исламизация региона выглядит малореальной перспективой.